

УДК 811.11-112`374

К ДИСКУССИИ ВОКРУГ АВСТРИЙСКОГО НЕМЕЦКОГО

Ю.В. Ланских

Тверской государственный университет, Тверь

В статье рассматриваются наиболее дискутируемые вопросы вокруг статуса австрийского немецкого и его роли относительно общенемецкого стандарта в исторической перспективе.

Ключевые слова: *австрийский немецкий, стандартный немецкий, плюрицентрический, плюриареальный, нововерхненемецкий.*

Современная дискуссия вокруг статуса немецкого языка в Австрии, связанная, в первую очередь, с пробуждением национальной идентичности после распада Третьего Рейха, получила своё непосредственное развитие с изданием в 1951 году Австрийского словаря и лингвистическими учениями Инго Райффенштайна, Якоба Эбнера и Петера Визингера в семидесятые годы двадцатого века. Австрийская германистика сегодня занята в основном исследованием особенностей австрийской национальной разновидности немецкого языка, проблемой кодификации данных особенностей, зачастую спекулируя при этом теорией плюрицентризма. Стоит отметить, что профессор грацкого университета Рудольф Мур, как представитель ультрарадикальной точки зрения относительно австрийского немецкого, считает некорректным использования понятия ‘особенности’ (нем. *Besonderheiten*) и предлагает заменить его на более подходящее ‘признаки’ (нем. *Merkmale*) [8: 50]. О. Бехагель в свою очередь отрицает существование каких бы то ни было особенностей немецкого языка в Австрии и границы, отделяющей диалекты Австрии от других немецких языковых ареалов:

«So hat die Sprachforschung wohl Anlaß gehabt zu fragen, worin die Besonderheiten der österreichischen Mundarten gegenüber den deutschen bestehen, welche sprachliche Grenze die beiden Gebiete trennt. Das Ergebnis dieser Forschung ist bemerkenswert genug: Eine solche Grenze gibt es nicht, solche Besonderheiten haben niemals bestanden, weder gegenüber dem Deutschen insgesamt, noch gegenüber den einzelnen mundartlichen Bezirken, die an österreichisches Land angrenzen» [2: 304].

Существует ряд принципиальных вопросов, на которые принято сетовать в австрийской германистике. Итак, большинство австрийских языковедов указывают на недостаточное внимание, уделяемое значению верхненемецкого континуума в истории немецкого языка. П. Визингер пишет о том, что историческое развитие немецкого языка рассматривается таким образом, будто бы существовала только одна языковая форма, развившаяся на базе восточно-средненемецкого лютеровского образца в протестантских странах средней и нижней Германии. В доказательство своей точки зрения он, кроме прочего, указывает на игнорирование верхненемецкого пространства в большинстве трудов по истории немецкого языка. Непосредственно ситуацию в Австрии рассматривают только Фритц Чирх (1983) и Петер фон Поленц (1978), упоминания об особенностях языкового развития на юге можно найти у

Ганса Эггерса (1977) и Кристофера Веллса (1990) [20: 319]. Стоит заметить, что сходная ситуация наблюдается и в отечественной лингвистике. Так, О.И. Москальская, рассматривая нормирование немецкого литературного языка в XVIII веке, восточно-средне немецкому варианту противопоставляет верхненемецкий и швейцарский, понимая под верхненемецким, в первую очередь, баварско-австрийские диалекты (ср.: [1: 252]).

Ганс Мозер также относит процесс манкирования верхненемецкого пространства в нормировании немецкого языка к XVI веку, к языковой деятельности Мартина Лютера, указывая на то, что до начала периода стандартизации при языковой унификации ориентировались скорее на верхне- и средне немецкие, а не нижне немецкие структуры [7: 64]. Карл Фридрих Храуда приписывает Габсбургской королевской канцелярии в XV веке, с её ориентацией на австрийско-баварский диалект, первую попытку создания единого письменного языка; по его словам, именно верхненемецкое пространство является отправной точкой развития письменного немецкого языка: «Das Hochdeutsche ist im Süden heimlich», а княжеские канцелярии, в том числе и канцелярия саксонского курфюрста, ориентировались уже на традиции королевской канцелярии Габсбургов [5: 6].

Остановимся более подробно, на событиях XVIII века, так как именно они рассматриваются в австрийской германистике как отеснившие сформировавшуюся и культурно обусловленную австрийскую форму немецкого языка в разряд «не-нормы» [11; 13; 18–20]. С тридцатых годов XVIII века под возросшим влиянием Просвещения в католической Австрии вслед за общенемецкими тенденциями по созданию единого литературного немецкого языка по восточносредне-и нижне немецкому образцу также начинается процесс языкового реформирования. Австрийские языковеды, описывающие события данного периода, представляют процесс формирования общенемецкого литературного языка как своего рода противостояние между восточно-средне немецким и верхненемецким, с поражением последнего. Пауль Рёсслер пишет, что доминировавшая до этого баварская форма, обусловленная особенностями письменного языка канцелярии при дворе кайзера Максимилиана I, окончательно сдаётся перед восточно-средне немецким образцом [13: 27]. В учебном пособии по истории немецкого языка Петера Эрнста для студентов Венского университета, глава, в которой описывается становление единого письменного литературного немецкого языка, называется «Победное шествие восточно-средне немецкого письменного языка» (нем. Der Siegeszug der ostmitteldeutschen Schriftsprache) [3: 188]; сходным образом Р. Шпродт говорит о «вытеснении» южных форм из немецкого стандарта [14: 12].

Данный процесс начинается с «Sprachkunst» Готтшеда в 1748 году и заканчивается «Die deutsche Sprachlehre» Аделунга, вышедшей в Вене в 1794. Но он не проходит как единогласное и безоговорочное признание взятого Готтшедом за основу саксонского варианта, ряд австрийских языковедов (И. Б. Антеспергер, И. З. В. Попович, Ф. В. Герлах, Ф. И. Боб, И. Вайтенауэр, И. И. Фельбигер) также создавали в тот период свои грамматические сочинения, некоторые при этом вступали в открытую конфронтацию с Готтшедом или, наоборот, слепо копировали его теоретические, стоит заметить, не всегда

удачные выкладки. Идейным противником Готтшеда в Австрии был Иоганн Зигмунд Валентин Попович, который не только критиковал его за некоторые «теоретические» ошибки, но и выбирает слово *Gottsched* как пример для парадигмы склонения имён собственных мужского рода. Кроме того, в отличие от Готтшеда, Попович настаивал на форме, сглаживающей региональные варианты, а не на выборе определённого варианта и позиционирования его как более благородного [10].

Личность Готтшеда достаточно негативно оценивается в австрийском лингвистическом сообществе. Так, уже упоминавшийся ранее Рёсслер именно на него возлагает всю ответственность за осуществление языковой реформы в Австрии в XVIII веке:

«Der in Leipzig wirkende Poetologe Gottsched <...> wird hauptverantwortlich für die Durchsetzung einer ostmitteldeutschen geprägter Reform der Schriftsprache in Österreich seit der Mitte des 18. Jahrhunderts» [13: 30].

Днако без монархического согласия в католической Австрии XVIII века вряд ли было возможно популяризировать пускай и выдающееся учение протестанта. Мария Терезия благоволила Готтшеду и именно по её приказу его грамматика была введена в качестве основного учебника в Терезианской академии. Его «Основы немецкого языкового искусства» переиздавались в Вене в 1765 году, а «Суть немецкого языкового искусства» в 1764, 1773, 1778 и 1765 гг. Готтшед с женой, кроме того, были приглашены ко двору в 1749 г. на приём в замке Шёнбрунн, и, согласно воспоминаниям жены Готтшеда, Мария Терезия во время приёма стеснялась говорить с ними по-немецки, так как у австрийцев очень плохой язык: «Ich sollte mich scheuen mit dem Meister der deutschen Sprache, deutsch zu reden. Wir Oesterreicher haben eine sehr schlechte Sprache» [4: 64].

Не только эрцгерцогиня считала, что австрийцы говорят с ошибками. Упомянутый выше И. З. Попович в своей грамматике «Die nothwendigsten Anfangsgründe der teutschen Sprachkunst, zum Gebrauche der Österreichischen Schulen» 1754 года указывал на типичные погрешности, которые австрийцы допускают на письме: склонение имён, спряжение сильных глаголов и употребление предлогов [10: 3]. В конце XVIII века в Вене появляется ещё несколько произведений, направленных на преодоление характерных местных ошибок орфографии, грамматики и словоупотребления: «Abhandlungen von den Hauptfehlern der österreichischen Mundart» Пауля фон Сориа [16], «Über den Geschäftsstil; die erten Grundlinien für angehende österreichische Kanzleybeamten» Йозефа фон Зонненфельса [15] и «Der wienerische Sekretär auf alltägliche Fälle für das gemeinsame Leben <...>» Франца Риделя [12]. Таким образом, представление языкового регулирования XVIII века, как императивного навязывания восточно-среднемецкого варианта в Австрии не совсем соответствует истине. Сами соотечественники воспринимали собственную языковую традицию как отклонение от нормы, так как в силу особенностей политического, религиозного и культурного развития эрцгерцогства, запрет церковью произведений протестантских авторов, Австрия представляла собой в то время консервативную провинцию, в которую идеалы Просвещения проникают лишь с началом правления Марии Терезии.

Несмотря на старания языковедов XVIII века, немецкий язык в Австрии продолжает сохранять свои типичные особенности, выражающиеся, прежде всего, в употреблении устаревшей и диалектально окрашенной лексики и конструкций. Германн Леви во второй половине XIX века в предисловии к произведению, уже в названии которого немецкий язык в Австрии называется «ошибочным» писал, что данная книга («Das österreichische Hochdeutsch. Versuch einer Darstellung seiner hervorstechendsten Fehler und fehlerhaften Eigentümlichkeit») посвящается тем, кто до этого, возможно, считал, что австрийский литературный язык не хуже и не лучше, чем немецкий язык в других местах, но это не так, потому что именно в Австрии к языку относятся особенно небрежно [6: III]. Как бы то ни было, возникновение понятия «австрийский немецкий» как региональной языковой формы связывают преимущественно с данным произведением, исторически отнесённым ко времени образования Австро-Венгерской двойной монархии.

Далее кодификация норм произношения Г. Зибсом в 1898 году (Г. Мозер представляет её как «ониженнемецивание» произношения немецкого языка [7: 64]), «Орфографический словарь» Конрада Дудена 1902 года, в котором были согласованы единые нормы правописания для немецкоязычного пространства, документируют региональный статус австрийского варианта. Кроме того начало XX века характеризуется всеобщим декадансом австрийского самосознания. Приведем высказывания некоторых выдающихся австрийцев того периода: «Es ist kaum zu sagen, wie sehr mir alles Österreichische zuwider ist» (R. M. Rilke 1912); «Ich habe mich mein Leben lang geschämt, ein Österreicher zu sein» (K. Kraus, 1920); «Ein Reich von Künstlern und Kellnern» (A. Schnitzler, 1919) [17: 14]. Бесспорно, основной причиной для этого был распад империи и образование первой республики Германии-Австрии в 1918 г. Слова премьер-министра Франции Жоржа Клемансо «Всё остальное – Австрия» в Сан-Жермене в 1919 г. и заглавие книги австрийского публициста Гельмута Андикса «Государство, которого никто не хотел» в 1962 г. – наиболее расхожие цитаты при описании истории Австрии того периода [там же].

Итак, только после окончания второй мировой войны происходит подъём австрийской идентичности, нашедший своё отражение кроме прочего и в развитии плюрицентрического учения в Австрии, направленного на преодоление моноцентрической языковой политики. «Wir sind nicht Duden-Land» – высказывание Рут Водак очень точно передаёт общее настроение австрийской лингвистики конца XX, начало XXI века [21]. Несмотря на неоспоримость вклада, который внесли австрийские учёные в разработку теории плюрицентризма, современная дискуссия вокруг австрийского немецкого происходит на пересечении вопросов теории, идеологии и языковой политики, зачастую с откровенным манипулированием языковыми фактами, попытками возвести чисто диалектальные или разговорные региональные явления в ранг австрийского стандарта (ср. высказывание П. Визенгера относительно 36 издания Австрийского словаря [19: 17]). Кроме того, нет единства и среди австрийских языковедов, о чём свидетельствует деление на различные течения и идеологические группы. Несмотря на наше стремление к объективному и нейтральному описанию языковой истории, сама попытка исследовать австрийский немецкий в диахронической перспективе,

автоматически причисляет нас к плюриареальному (нем. *pluriareal*) течению. Согласно Р. Муру, одно из различий плюрицентрического и плюриареального подходов состоит в понимании самого языка и способе его описания. Динамическое и коммуникативное восприятие языка с синхроническим методом его описания и признанием прагматического компонента равнозначным другим уровням языка при плюрицентрическом подходе противостоит исторически-структуралистскому восприятию с исторически-обоснованным описанием при подходе плюриареальном [8: 44].

Термин «плюриареальный» был впервые введен Норбертом Рихардом Вольфом (1994); другими сторонниками данной точки зрения, согласно Р. Шродту, являются Германн Шейрингер и Хайнц Дитер Польш [14]. Р. Мур к сторонникам данной теории причисляет также П. Визингера и частично У. Аммона [8: 42]. Камнем преткновения плюрицентрического и плюриареального подходов является признание, соответственно непризнание государственных границ в качестве определяющего критерия в классификации региональных разновидностей. Основным контраргументом плюриареального течения выступает обусловленность языковых особенностей австрийского немецкого двумя диалектами, в первую очередь, баварским и на западе страны алеманским, которые географически, естественно, не привязаны к каким бы то ни было государственным границам. Второй контраргумент во многом вытекает из первого, а именно неоднородность существующих языковых особенностей внутри самой Австрии [8; 14; 22; 9].

Далее предлагаются принципиальные положения плюрицентрического подхода, согласно Р. Муру: (1) Предметом описания плюрицентрического подхода, являющегося коммуникативно-ориентированным, выступает языковая коммуникация. (2) Государство, а не литературный язык является отправной точкой для определения разновидностей немецкого языка. (3) Немецкий литературный язык – это пересечение трёх полнозначных разновидностей, ядро которого образуют регионально немаркированные выражения, функционирующие как таковые во всех разновидностях немецкого языка. Страны, имеющие один и тот же государственный язык, выступают как коммуникативные сообщества, равнозначные центры единого языка. Национальная разновидность понимается как совокупность всех языковых форм внутри определённого государства. (4) Объектом описания выступает языковое употребление в своей коммуникативной функции, принадлежность к норме отходит на второй план. Язык не описывается как совокупность императивных норм, а рассматривается сквозь социальные и коммуникативные функции языковых разновидностей. (5) Описание языковых единиц идёт от отдельных стран со сравнением употребления в других национальных разновидностях. Таким образом, решающее значение для определения многообразия функциональных вариантов играет исключительно их коммуникативная ценность (приравниваемая к частоте употребления языковой единицы в различных ситуациях – Ю.Л.). (6) Авторитарному нормированию «языковыми экспертами» (имеется в виду, несомненно, редакция Дуден – Ю.Л.) противостоит всё население в унифицированном срезе. (7) Отношение языковой единицы к литературному языку определяется в первую очередь употреблением, а уже потом письменной нормой. (8) Трёхчастная схема

распределения вариантов при плюриареальном подходе: диалект – разговорный язык – литературный язык значительно расширяется в соответствии с внешнеязыковыми критериями: по принадлежности к языковой форме – на письменные и устные; по региональному распространению – на региональные и надрегиональные; по коммуникативному употреблению – на нейтральные, дистанционные и близязиковые варианты (нем. *neutral- / distanz- / nächsprachlich*); по стилистической маркированности – на нейтральные и оценочные [8: 43–46].

Особое значение при разграничении данных подходов имеют лингвистические выводы и выходящая из них языковая политика, хотя, с нашей точки зрения, именно преобладание языковой политики над чисто лингвистическими фактами и является исходной точкой для большинства теоретических заключений в рамках радикальной плюрицентрической теории.

Итак, плюрицентрическая теория в её радикальном проявлении признает равенство всех региональных разновидностей. Выделение одного из национальных вариантов в качестве главного объясняется социально-политическими причинами и престижем, имеющим как следствие социальную и языковую дискриминацию. Целью в данном случае является разработка более развёрнутой системы кодификации, основанной на эмпирической констатации различий и сходств отдельных разновидностей с отказом от выделения доминирующих вариантов. Очень верным в данной связи является замечание самого Р. Мура, которым он словно извиняется за развитую среди австрийских лингвистов терминологическую дискуссию: «Klar ist auch, daß sich an der Substanz der deutschen Sprache nichts ändert, wenn jemand den einen oder den anderen Ansatz folgt» [цит. раб.: 43]. Действительно, деление самих австрийских языковедов на группы и течения имеет очень опосредованное отношение к лингвистике и к немецкому языку, зачастую ведёт лишь к терминологической путанице.

Данная статья затрагивает, но не исчерпывает многочисленных спорных вопросов вокруг австрийского немецкого. Развитие предложенной дискуссии последует в следующей публикации.

Список литературы

1. Москальская О.И. История немецкого языка. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 288 с.
2. Behaghel O. Von deutscher Sprache. Lahr in Baden: Schauenburg, 1927. 399 S.
3. Ernst P. Deutsche Sprachgeschichte. 2. Aufl. Wien: Facultas, 2012. 252 S.
4. Gottsched L.A.V. Der Frau L. A. V. G., geb. Kulmus, sämtliche kleinere Gedichte <...>. Leipzig: Bernhard Christoph Breitkopf und Sohn, 1973. 532 S.
5. Hrauda K.F. Die Sprache des Österreicherers. Salzburg: Österr. Kulturverl, 1948. 28 S.
6. Lewi H. Das österreichische Hochdeutsch : Versuch einer Darstellung seiner hervorste- chendsten Fehler und fehlerhaften Eigenthümlichkeiten. Wien: Bermann & Altmann, 1875. 48 S.
7. Moser H. Plurizentrismuskonzept und österreichisches Deutsch – eine Bilanz // Italia – Österreich, hrsg. von Luigi Reitani. Udine: Forum, 2006. S. 62–74.
8. Muhr R. Zur Terminologie und Methode der Beschreibung plurizentrischer Sprachen und deren Varietäten am Beispiel des Deutschen // Österreichisches Deutsch und andere

- nationale Varietäten plurizentrischer Sprachen in Europa. Wien: Hödler-Pichler-Tempsky, 1997. S. 40–67.
9. Pohl H.D. Gedanken zum Österreichischen Deutsch (als Teil der "pluriarealen" deutschen Sprache // Österreichisches Deutsch und andere nationale Varietäten plurizentrischer Sprachen in Europa. Wien: Hödler-Pichler-Tempsky, 1997. S. 67–88.
  10. Popowitsch J.S. Die nothwendigsten Anfangsgründe der Teutschen Sprachkunst : zum Gebrauche der Österreichischen Schulen. Wienn: Grundt, 1754. 207 S.
  11. Reiffenstein I. "Oberdeutsch" und "Hochdeutsch" in Bayern im 18. Jahrhundert // Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Verant. in Verb. mit dem Internationalen Wissenschaftsforum der Univ. Heidelberg. Tübingen: Gardt: 1995. S. 307–318.
  12. Riedel F.X.S. Der wienerische Sekretär auf alltägliche Fälle für das gemeinsame Leben. Wien, Geroldt, 1812. 776 S.
  13. Roessler P. Die deutschen Grammatiken der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts in Österreich : ein Beitrag zur Reform der deutschen Schriftsprache. Wien: Lang, 1997. 357 S.
  14. Schrodtr R. Nationale Varietäten und Unterschiede und der "Substandard" an den Quellen des Österreichischen Deutsch // Österreichisches Deutsch und andere nationale Varietäten plurizentrischer Sprachen in Europa. Wien: Hödler-Pichler-Tempsky, 1997. S. 12–39.
  15. Sonnenfels J. Über den Geschäftsstil : die ersten Grundlinien für angehende österreichische Kanzleybeamten. Wien: Joseph Edeln von Kurzbek, 1785. 424 S.
  16. Soria P.A. Abhandlungen von den Hauptfehlern der österreichischen Mundart // Jugendfrüchte des k.k. Teresianiums. Wien: Joseph Edeln von Kurzbek, 1772. 370 S.
  17. Weinzierl U. Lächelnd über seine Bestatter: Österreich : österreichisches Lesebuch: von 1900 bis heute. München: Piper, 1989. 506 S.
  18. Wiesinger P. Zur Entwicklung der deutschen Schriftsprache unter dem Einfluss Gottscheds in der 2. Hälfte des 18. Jahrhunderts // Entwicklungstendenzen der deutschen Sprache seit dem 18. Jahrhunderts. Berlin (Ost): Akad. Der Wissenschaften der DDR, 1983. S. 227–248.
  19. Wiesinger P. Die Deutsche Sprache in Österreich // Das Österreichische Deutsch. Wien: Böhlau, 1988. S. 9–30.
  20. Wiesinger P. Die sprachlichen Verhältnisse und der Weg zur allgemeinen deutschen Schriftsprache in Österreich im 18. und frühen 19. Jahrhundert // Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Verant. in Verb. mit dem Internationalen Wissenschaftsforum der Univ. Heidelberg. Tübingen: Gardt: 1995. S. 319–367.
  21. Wodak R. Wir sind nicht Duden-Land // Wiener Journal, H.64, Juni 1994. S. 26–27.
  22. Wolf N. Österreichisches zum österreichischen Deutsch // Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik, Nr. 76. Stuttgart: Steiner, 1994. S. 66–76.

TO THE DISCUSSION ABOUT THE AUSTRIAN GERMAN

J.V. Lansikh

Tver State University, Tver

The article is focused on the most discussed questions about the position of the Austrian German and its role concerning the supranational German standard in the historical perspective.

Keywords: *Austrian German, Standard German, pluricentric, pluriareal, New High German.*

Об авторе:

ЛАНСКИХ Юлия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Тверского государственного университета, e-

mail: lanskix81@mail.ru